

Европа в меняющейся мировой системе координат

Ноябрь был наполнен внушительной вереницей событий первой величины, значение и последствия которых, однако, мировая экономика и международные отношения уже отыграли. Несмотря на всю их знаковую. Их символичность для мегатрендов мировой политики. И дело вовсе не в том, что на расстановку фигур на гигантской «геополитической шахматной доске» они никак не повлияли, а в том, что повлияли вполне предсказуемым и ожидаемым образом. Для мирового рынка акций и спредов по суверенным облигациям это обычное явление. Продавцы и покупатели заранее закладываются в еще только предстоящие события. В движении цен и курсах валют они загодя учитываются. Повышенная волатильность, скачки спроса и предложения имеют место зачастую до, а не после. Как, например, столь неоднозначно оцениваемый уход Федеральной резервной системы с рынка ценных бумаг. Мировые СМИ обсасывают их по полной программе в предвкушении, быстро перелистывая страницу, как только они состоялись.

В США по итогам промежуточных выборов контроль за обеими палатами Конгресса перешел к республиканцам. Но не потому что они чем-то себя проявили. Выступили с крайне привлекательных программных позиций и предложили населению лучшую перспективу. Сделались ближе среднему американцу. Нет. Ничуть. А потому, что популярность действующего президента упала до неприличия. Чему они изо всех сил помогали, блокируя продвигавшиеся им меры[1]. Превратив Конгресс чуть ли не в кладбище законопроектов[2]. Волна изощренной критики абсолютно со всех сторон захлестнула его с головой. В стане демократов наметились разброд и шатания. От некогда единой команды не осталось и следа. Результаты их деятельности внутри страны и на международной арене оцениваются очень низко. Чуть ли не «на двоекку». Особенно в связи с углубляющимся неравенством в американском обществе[3] под влиянием мер по выходу из глобального экономического кризиса[4].

Теперь Соединенные Штаты ожидают два года «политического сожительства». Управляемость страной, как считают политические аналитики, пострадает еще в большей степени[5]. Не исключено, отмечают они, что на какое-то время нормативные акты, принимаемые исполнительной властью, оттеснят закон[6]. Как бы к этому заранее не готовились, пишет, например, известный итальянский эксперт, работающая в Америке, Федерига Бинди, все равно президенту придется очень и очень несладко[7]. Республиканцы отыграют назад часть из того, что Барак Обама удалось сделать с таким трудом. В частности, похоронят осуществленный им разворот национальной экономики в пользу защиты окружающей среды – некоторые называют это даже «самым значимым следствием» поражения демократов на промежуточных выборах[8]. Снимут некоторые из введенных или оставленных им без изменений запретов на отдельные крупные экономические проекты и определенные виды предпринимательской деятельности. Искромсают реформу здравоохранения. Заставят гораздо больше внимания и сил уделять тем вопросам политической и экономической повестки, по которым они его поддерживают. Прежде всего в том, что касается форсированного заключения соглашений о трансатлантической и тихоокеанской зонах свободной торговли[9] и проведения более жесткой

внешней политики[10]. Хотя, вроде бы, жестче уже некуда.

Политическое руководство Китая, первой экономики мира по паритету покупательной способности, на протяжении всех кризисных и посткризисных лет служившего основным двигателем роста мировой экономики, наконец-то официально признало, что экономика страны замедляется[11]. Ни о какой мягкой или, тем более жесткой посадке, конечно же, речь не идет. Ни-ни. Но двузначные темпы роста остались в прошлом. Они уже не вернуться. Новой нормой на обозримую перспективу станут темпы роста на уровне 7 с небольшим процентов. С соответствующими последствиями для международной торговли и мировой экономики[12]. О том, что рано или поздно они начнут снижаться, предупреждали абсолютно все эксперты. Причем в течении целого десятилетия. Не меньше. Ведь экономика Китая достигла гигантских размеров. Она увеличивалась на одну Швейцарию в год. Бесконечно так продолжаться, конечно же, не могло. В хозяйственном комплексе Поднебесной накопилось слишком много диспропорций. Кроме того, возможности догоняющего развития, индустриализации и экспортоориентированной модели экономики в какой-то степени оказались исчерпанными. Особенно с учетом общего неблагополучия в мировой экономике.

Как надеются западные эксперты по геополитике, Китай ожидают тяжелые времена. Корректнее было бы говорить несколько о другом. Ему предстоит решать проблемы нового поколения. Среди них поиск иных драйверов роста. Дополнительных гарантий социальной стабильности. Использования избыточных производственных мощностей. Скачка в неизвестное - построения пост-постиндустриального общества и т.д. Трудные времена ожидают, скорее, всех тех, кто ориентировался на экспоненциальный рост внутреннего рынка Китая и стремительное увеличение невыборочного потребления всего того, что могли бы предложить ему другие страны.

Приступила к работе **Европейская Комиссия нового состава** во главе с Жан-Клодом Юнкером. С первых же шагов она постаралась позиционировать себя в качестве политически самостоятельной силы. Ведущего института Европейского Союза. Истинного лидера европейской интеграции. Представляющего общий интерес. Способного противостоять индивидуалистическим маневрам государств-членов. Когда нужно, приструнить их за допускаемые нарушения взятых на себя обязательств, в частности по Пакту стабильности и роста, как в случае с Италией. Когда нужно, проявить гибкость, как в случае с Францией, чтобы проведение реформ и бюджетная консолидация не становились самоцелью, а работали на создание условий для повышения конкурентоспособности национальной экономики и ее устойчивого роста[13]. Особое внимание она сразу же сконцентрировала на вопросах стимулирования роста и решения проблем безработицы как первоочередных для ЕС, в этих целях призвав к максимально быстрому формированию «инвестиционного пакета» размером в 315 млрд евро. Председатель ЕК объявил о том, что первый свой зарубежный визит осуществит в Киев, Высокий представитель по иностранным делам и вопросам безопасности - на Ближний Восток, обозначив таким образом приоритеты внешней политики ЕС.

Но ведь на протяжении всего 2014 г. все и делалось для того, чтобы укрепить Европейскую Комиссию. Повысить ее влияние. Добавить ей самостоятельности. Чтобы она не превращалась в игрушку в руках отдельных государств-членов, а могла вести их за собой. Поэтому-то кампания по выборам в Европейский Парламент была организована очень непохоже на все

предыдущие. Фактически избирались не только депутаты, но и будущий председатель Европейской Комиссии, который тем самым получал возможность опереться в своей деятельности на поддержку победивших на выборах европейских партий, объединившихся в правящую коалицию.

Теперь впереди у Европейской Комиссии сложный период притирки к другим властным инстанциям ЕС. Ей надо будет изо дня в день доказывать, что она в состоянии справиться с нарастающим комом проблем, обрушившихся на интеграционное объединение. Что предложенная ей повестка действительно отражает чаяния и страхи ЕС и государств-членов, их политической элиты, и их населения. Насколько это будет непросто, свидетельствует громкий скандал вокруг фигуры Жан-Клода Юнкера, когда его косвенно обвинили в создании налогового рая для многочисленных транснациональных корпораций, перебравшихся в Люксембург в его бытность премьер-министром этой небольшой, но очень богатой и процветающей страны[14]. А затем его вполне невинные слова в свое оправдание стали преподносить в качестве раскаяния[15], а то и подтверждения того, что он будет будто бы не в состоянии эффективно управлять Комиссией[16]. То есть была попытка ослабить его влияние, нанеся упреждающий удар по Великому Герцогству[17] или заставив ВГЛ подчиниться внешнему диктату[18].

Как продемонстрировал обширный, добротнo документированный доклад, явившийся плодом журналистского расследования, успех Великого Герцогства, если принять на веру все домыслы его авторов, во многом базировался на налоговом демпинге и снисходительном отношении к используемым ТНК сомнительным схемам налоговой оптимизации[19]. Вчера они были нормой, и на них все закрывали глаза. Сегодня, в посткризисных условиях, когда национальные государства ощущают острую нехватку бюджетных средств, а социальные программы в результате этого идут под нож, они сделались морально недопустимыми[20]. Пока морально. Завтра – юридически. Особенно с учетом того, что Европейский центральный банк придумывает одно новшество за другим, чтобы насытить рынок дешевыми деньгами, спасти банковскую систему ЕС и государств-членов, заставить финансовые учреждения инвестировать в реальный сектор экономики. Лишь бы вывести регион из нисходящей спирали кризисного развития.

Признаков неблагополучия сделалось настолько много, что другие мировые игроки и, прежде всего США, уже без тени смущения указывают на них ЕС и государствам-членам, требуя решительных действий[21]. Типовое описание болевых точек европейской экономики с теми или иными вариациями кочует по страницам популярных газет и журналов и уже никого не удивляет. Дело зашло настолько далеко, что Союзу, если его лидеры радикально не пересмотрят политический курс, предрекают не просто десятилетие низких темпов роста и/или стагнации, а уже нечто похожее на Великую депрессию 30-х годов прошлого века[22]. Или гибель евро из-за неспособности справиться с депрессией и по причине тех социально-политических последствий, которые она вызовет[23].

На полях сражений против боевиков Исламского Государства в Ираке и Сирии стало очевидно, что одних лишь ракетно-бомбовых ударов по их позициям для их разгрома и освобождения занятых ими обширных территорий совершенно недостаточно. Уничтожением отдельных военных целей боевиков можно остановить. Ослабить. Заставить отступить. Но их

таким образом никак не победить. Тем более если одной рукой создавать международную коалицию против Исламского Государства, а другой снабжать тех же террористов, воюющих там, только принадлежащих якобы к более умеренному крылу, деньгами и вооружениями. Сначала призывать всех активно бороться с ненавистными режимами в регионе, объявляемыми кровавыми и тираническими, а затем, когда тысячи мобилизованных добровольцев со всех концов света хлынули на театр военных действий, пытаться остановить бурный разношерстный поток искателей удачи и идеалистов, стремительно превращающихся в ненавидящих западную цивилизацию боевиков и экстремистов, и поставить их вне закона[24].

Поэтому накануне своего отъезда на саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) Барак Обама распорядился увеличить контингент американских солдат и инструкторов, развернутых в Ираке, с нескольких сот до 3 тыс. человек[25]. Но ведь что так будет, было очевидно с самого начала. Когда войска НАТО бомбили Сербию, они собственно армии тогдашней СРЮ практически никакого урона не нанесли. Исход изуверской кампании решило то, что американские военные самолеты один за одним уничтожали гражданские объекты и били по столице, сея панику, ставя страну на грань выживания и заставляя политическое руководство отступить. (Сходный подход, кстати, просматривается и в отношении Юго-Востока Украины.)

Против боевиков такая стратегия не работает. Как не работает война дронов против талибов в Афганистане. Она позволяет удерживать равновесие, пока силы международной коалиции еще не выведены из страны. Хотя и в этом плане – не без обмана: за время их пребывания производство наркотиков увеличилось здесь в тысячи раз. В 2014 г., как рапортует журнал «Экономист», одни только посадки опийного мака достигли 224 тыс. гектаров, а урожай вырос на очередные 17%[26]. Как только они ее оставят, скрывать реальность, обманывать и себя, и народы Афганистана и соседних стран станет некому. И тогда западные аналитики, вслед за автором книги «Правильная война: почему мы не смогли выиграть ни войну, ни мир в Афганистане»[27], начнут дружно утверждать, что «возвращение талибов – не такая уж и плохая вещь»[28].

Соединенным Штатам, их западным союзникам и внутрирегиональным игрокам предстоит немало поломать голову над политической теоремой (или ребусом – кому как нравится) о том, как дальше воевать с Исламским Государством. Как избежать расползания конфликта – органическим союзником ИГ, полагают, например, специалисты, близкие к разведывательным кругам, являются наиболее опасные группировки братьев-мусульман в Египте[29] и сторонники панисламского халифата в других странах[30]. На кого опереться[31]. Что сделать, чтобы вроде праведная война не привела к полной реконфигурации сил в регионе. К безнадежному превращению Ирака в падающее государство. К окончательному хаосу. К еще большей его радикализации. До какой поры можно решать задачи войны и мира в обход Совета Безопасности ООН. Игнорируя его и умаляя его роль. Идя на откровенные нарушения международного права и правопорядка, бомбя территорию одного суверенного государства с его эксплицитного согласия и одновременно отказываясь взаимодействовать с правительством другого.

После обнадежившего всех было перерыва на проведение выборов в Верховную Раду **возобновились боестолкновения на Юго-Востоке Украины**. Мины и снаряды вновь

начали рваться в жилых кварталах Донецка. Под огнем тяжелой артиллерии и систем залпового огня оказались пригороды, деревни и села самопровозглашенных республик. Как и до этого, жертвами братоубийственного конфликта стали дети (украинские силовики неоднократно обстреливали школы и детские площадки), ни в чем не повинные люди, гражданское население. Шаткое перемирие было использовано для того, чтобы провести ротацию боевых частей, подтянуть новую технику, перегруппировать силы и подготовиться к возможному подавлению сопротивления народа Луганской и Донецкой области центральному правительству военными средствами.

Но ведь так было всегда, с момента переброски Киевом регулярных частей и боевиков национальной гвардии на Юго-Восток. Затишье наступало раз за разом тогда, когда новые правители Украины встречались с важными зарубежными лидерами, приезжали на подписание международных соглашений, проводили президентскую кампанию. То есть тогда, когда это нужно было для того, чтобы важные зарубежные лидеры могли без тени смущения убеждать общественное мнение в миролюбии новых правителей, их конструктивном настрое, приверженности европейским ценностям. И мгновенно сменялось кровопролитием, как только потребность в пропагандистском прикрытии проходила.

Как сейчас, когда мировые СМИ на голубом глазу дружно выдают переброску свежих частей регулярной армии Украины и концентрацию наступательной боевой техники на подступах к Донецку и Луганску за необходимую меру противодействия возможному контрнаступлению ополченцев[32], опирающемуся, мол, на недоказанную, но от этого не менее масштабную военную подпитку из России[33]. Доказательства в принципе не нужны, ведь Россия рисуется отдельными политическими лидерами и мировыми СМИ как угроза ЕС и НАТО, намного большая, во всяком случае не меньшая, чем Исламское Государство, исламский радикализм и международный терроризм.

Механизм тотального самовнушения и в США, и в Западной и Центральной Европе работает на удивление слаженно. Достаточно уважаемым политическим деятелям и/или международным организациям, будь то ОБСЕ или СЕ, провозгласить, что выборы на Украине прошли вполне демократично и победили нужные политические силы, как абсолютно отовсюду исчезают упоминания о том, что миллионы были лишены возможности принять участие в голосовании. К урнам пришли чуть-чуть больше половины внесенных в списки для голосования. Итоги определило голосование западных областей, оставившее, по признанию даже журнала «Экономист», украинское общество «глубоко разделенным»[34]. Для подведения окончательных итогов потребовалось две недели. Никакого равного доступа к СМИ и агитации обеспечено не было. Случаи запугивания и насилия в ходе избирательной кампании воспринимались как рядовое явление. Вся кампания прошла под националистическими лозунгами. Провозглашенная Западом победа умеренных сил, якобы партии мира, и то просматривается с большим трудом. Зато хорошо различимо присутствие в Верховной Раде представителей крайне правых сил, национал-радикалов и полевых командиров.

Стоило с высоких амвонов громогласно заявить, что выборы 2 ноября нелегитимны и никто их признавать не будет, как как-то сразу из общественного сознания выпало, что все народы имеют право на самоопределение – почитайте хотя бы Хельсинский Акт или материалы консультативного заключения Международного Суда ООН по Косово. Что народы вправе

выбирать себе правителей, а не наоборот. Что население Луганской и Донецкой областей ничем не хуже шотландцев, каталонцев или косоваров.

Все это пресловутый двойной стандарт, присущий миссионерам европейских ценностей, утверждают одни. Все это реалполитик, говорят другие. Как бы то ни было, понятно, что когда заранее назначаются правые и виноватые, одни квалифицируются как «наши», а другие как «чужие», когда общеевропейский опыт федерального строительства без каких-либо на то оснований признается неприменимым, когда надежда на то, что все удастся уладить военным путем, не выветрилась из сознания и витает в высоких кабинетах, рассчитывать на запуск действительно инклюзивного политического процесса и подлинных переговоров, на котором настаивают Минские договоренности, а соответственно и скорое урегулирование внутриукраинского конфликта, не приходится. А, соответственно, и на окончание санкционной войны и потепление в отношениях между Россией и ЕС, Россией и США.

В Каталонии прошел плебисцит по вопросу о независимости провинции. К нему лидеры умеренных сепаратистов, широко представленные в местных органах власти, шли все последние годы. Хоть сколько-либо представительному участию в нем населения (проголосовало 37% электората), похоже, очень помогли неуклюжие действия центральных властей Испании, изо всех сил стремившихся, что «вполне естественно», помешать волеизъявлению народа. Даже вполне консервативные авторы журнала «Экономист» прямо констатировали: «Мадрид оказал содействие сепаратистам»[35]. В ход были пущены все имеющиеся в их распоряжении правовые инструменты. Конституционный суд страны вынес вердикт о незаконности планировавшегося референдума. Центральное правительство со всей определенностью заявило о том, что не признает его результаты. А затем и вовсе запретило.

Ничем не прикрытое политическое давление, отказ идти на какие-либо компромиссы и даже рассматривать предложения каталонцев о реформе политического и административного устройства страны в их пользу вызвал, как утверждают аналитики, вполне ожидаемый результат. Согласно опросам общественного мнения, до сих пор сепаратисты не пользовались поддержкой большинства населения. Очень многие в провинции выступали за сохранение традиционных связей с остальными регионами страны и считали требование об отделении своего рода политической экзотикой. По результатам плебисцита подавляющее большинство населения провинции (81%) высказалось за независимость[36].

Теперь для Испании это новая политическая реальность. Те, кто олицетворяют сейчас центральную власть, если они вообще с ней не распрощаются[37], больше не смогут сдерживать центробежные силы в стране прежними методами. Особенно с учетом быстрой реконфигурации внутривнутриполитического пространства[38]. Им придется адаптироваться не только к изменившейся политической ситуации, но и грядущей радикализации сепаратистского и иного протестного движения. Как свидетельствует обострившееся противостояние между правительством Испании и каталонскими лидерами, она уже началась[39]. Плюс пример Каталонии, вполне возможно, окажет большое влияние и на аналогичные процессы повсюду на европейском континенте. Джина в очередной раз выпустили из бутылки.

Собственно **саммитам АТЭС и G20**, состоявшимся с интервалом в несколько дней, их повестке, включенным в нее проблемам, высказанным по ним позициям мировые СМИ уделили

до смешного мало внимания[40], несмотря на их определяющее значение для мирового развития и важности с точки зрения потенциала укрепления многостороннего сотрудничества для решения глубинных проблем международных отношений и мирового развития. Как-никак страны АТЭС образуют самый динамичный регион планеты, а совокупный ВВП государств, входящих в G20, составляет свыше 85% от общемирового. Тем не менее они оказались в тени спекуляций вокруг украинского конфликта, встреч с участием В.В.Путина, того, что лидеры тех или иных мировых держав собирались сказать по их поводу или говорили на самом деле[41].

Саммиты подтвердили долгосрочные тренды к ухудшению отношений между коллективным Западом и Россией[42], сближению России и Китая и внешнеэкономической экспансии последнего. Барак Обама, Дэвид Кэмерон и те, кого они подвязали в этот раз на первые роли, не стеснялись в выражениях, стремясь обострить ситуацию и представить Москву в качестве основного препятствия на пути урегулирования и чуть ли не такое же зло, как международный терроризм, ограничиваясь, правда, на этот раз лишь словесными атаками и демонстративными жестами[43].

Напротив, Россия и Китай объявляли о все новых и новых многомиллиардных проектах[44], которые будут иметь далеко идущее влияние на смещение деловой активности в АТР и создание новейшей инфраструктуры для перераспределения мировых торговых и, в том числе, сырьевых потоков[45]. Затем, в противовес решениям НАТО, – о мерах по углублению военно-технического сотрудничества[46] и взаимодействия в области обороны[47].

Пекин умело использовал площадку АТЭС и G20 для популяризации предпринимаемых мер по дальнейшей либерализации своего внутреннего финансового рынка и превращению в ведущего мирового инвестора, способного за предстоящее десятилетие довести зарубежные капиталовложения до 1,25 трлн долл.[48] Ему удалось еще больше продвинуться в переориентации окружающих его стран на углубление двусторонних экономических связей. В частности, под занавес заседания G20 было анонсировано, что Китай и Австралия завершили переговоры по договору о свободной торговле и в ближайшее время подпишут его[49]. С Южной Кореей, седьмой торговой нацией мира, Китай только что подобное соглашение подписал[50].

Все эти тренды надолго. Они меняют конфигурацию сил в мире. Определяют его новый абрис. Однако наметились они далеко не вчера. События ноября лишь придали им еще большую выпуклость.

Но если все так очевидно, предсказуемо, ожидаемо и не слишком оптимистично, есть возможность отвлечься от текучки. Попытаться осмыслить, что происходит с тем миром, в котором мы живем. **Оценить вектор и возможную глубину изменений.** Разобраться в том, что может получиться в итоге. Об этом все чаще задумываются последнее время самые разные представители политического, предпринимательского и экспертного сообщества. Цельное видение, похоже, не может предложить никто. Но отдельные зарисовки вполне заслуживают упоминания. В них явно что-то есть. Из них в дальнейшем, когда удастся сложить вместе все элементы мозаики, вполне может получиться столь не хватающая ведущим политологическим и футурологическим школам планеты общая панорама. Давайте чуть подробнее остановимся на тех из них, которые сейчас, похоже, вызывают наибольший интерес и активно

комментируются под самыми разными ракурсами. Сначала - **связанных больше с эволюцией нашего общества**. В дальнейшем - с изменениями на геополитической «шахматной доске».

В числе десятков других кандидатов на Нобелевскую премию мира 2014 года был выдвинут также и Эдвард Сноуден. Человек-загадка. Человек-откровение. Человек-легенда. С учетом идеологических установок Нобелевского комитета было бы странно, если бы ее ему присудили. Тем не менее, бесспорно, что он оказал на умы людей и общественное мнение гораздо большее влияние, чем львиная доля из них. Э.Сноуден сделал достоянием общества то, о чем знал только узкий круг посвященных. Да и они, скорее всего, не подозревали о том, насколько далеко зашла каждодневная ежеминутная электронная слежка потенциально за всеми жителями планеты. Каковы масштабы сбора, хранения и обработки информации и контроля за жизнью людей в Интернете, сообщаемыми ими о себе данными, их электронной перепиской и общением. Что некогда имевшая несколько другой смысл максима «кто управляет информацией - управляет миром» приобрела совершенно конкретный и предельно злобещий оттенок. Что все мы «под колпаком». А пророческое «Старший брат смотрит на тебя» так быстро сделалось нашей повседневной реальностью.

Разоблачения Э.Сноудена важны в очень многих отношениях. Они показали всем, **насколько далеко мы ушли от демократического устройства общества** или, иначе, насколько сильно оно деградировало. Правда, если считать, что оно хоть где-то кем-нибудь когда-либо было построено. Вспомним: человечеству известно только три вида общественного устройства (и множество разновидностей). Это правление одного (монархия - просвещенная или тирания), правление многих (олигархия) и правление большинства, т.е. демократия. Но демократия подразумевает несколько базовых вещей. (1) Реальное участие в управлении, а не узурпацию власти «золотым тельцом», или политическими партиями, или теми же самыми олигархами, или государственным аппаратом, читай его отдельными структурами. (2) Реальное влияние на процесс принятия политических решений, а не театральные декорации, когда волеизъявление происходит раз в четыре года или с какой-то иной периодичностью, после чего электорат превращается в стороннего наблюдателя. (3) Реальную ротацию власти, политических элит, политических установок, а не междусобойчики, когда одни и те же семьи, кланы, привилегированные группы просто делят власть между собой или передают ее друг другу.

Короче, демократия - (4) это когда **манипулирование общественным сознанием**, манипулирование массами сведены до минимума. В действительности оно всегда использовалось. По-дилетантски или вполне профессионально. В чуть меньшей или чуть большей степени. Но все равно в ограниченных масштабах. На наших глазах перешел перелом. Сейчас манипулирование поставлено на поток. Оно заменило все. Кроме него, практически ничего нет. Все выхолощено. Осталась лишь форма, зачастую напрочь лишенная содержания.

Никогда раньше пропасть между теми, кто манипулирует, и теми, кем манипулируют, не была столь глубокой. Бездонной. Непреодолимой. В настоящее время это уже даже не трагедия, а откровенный фарс, когда обещается одно, подразумевается другое, делается третье. И никто за обман не несет никакой ответственности. Все продолжают верить или делать вид, что верят в справедливое устройство того общества, в котором живут. На деле же оно все дальше расслаивается на тех, кто могут себе позволить почти все, и тех, кто ничего не могут. Тех, кто

при любом раскладе сил продолжают благоденствовать, и тех, кто выносят все тяготы на своем горбу.

Не мудрено, что доверие к власти и власть имущим со стороны большинства населения повсеместно достигло исторических минимумов. Все политические партии переживают глубочайший внутренний кризис. Как, например, социалистическое движение в целом и отдельные его отряды - в частности[51]. А разочарование происходящим, несмотря на все манипуляции, сделалось всеобщей доминантой. Причем как в слабеющих, проблемных странах, так и в преуспевающих.

Таким образом, привычность и обыденность манипулирования общественным сознанием, его беспрецедентные масштабы и технологичность извратили некогда, как утверждают историки, относительно здоровые основы политической культуры. Но дело не только в этом. Вернее, этим не ограничивается. Они привели также к **системной эрозии ценностей**, с которыми она ранее ассоциировалась. О каком господстве права, о каких фундаментальных правах человека можно говорить, если этот самый человек себе уже больше не принадлежит. В замочную скважину на него смотрит, не переставая, тысячеокое чудовище государственного соглядатая. Отслеживается все, что он говорит. Все, что он делает. О чем думает. С кем встречается. Кому пишет. С кем дружит. Его взгляды. Убеждения. Склонности. Он все время под мониторами. Его бумажник. Страховки. Его привычки и слабости.

Собранный на него компромат в любой момент может быть использован. И речь не только о полном отрицании того, к чему все мы привыкли, что всегда считали неотъемлемым слагаемым человеческого достоинства, базовым требованием к конструированию взаимоотношений между личностью и обществом - тайны личной жизни, прайваси, права выбирать, что делать достоянием общественности, а что нет. Речь о еще более фундаментальных вещах. Когда за тобой установлена тотальная слежка, ты по-настоящему не можешь пользоваться ни свободой вероисповедания, ни свободой самовыражения, ни тайной семейной жизни. Да, собственно говоря, никакими политическими и личными свободами.

Много лет назад Европейский Суд по правам человека вынес эпохальное решение. Затем он его неоднократно повторял. Сейчас его благополучно пытаются «замотать». О том, что даже сама потенциальная возможность бесконтрольного волюнтаристского подслушивания телефонных разговоров противоречит моральным и правовым основам демократического общества. Ныне все люди превращены в объект возможного бесконтрольного волюнтаристского подглядывания, подслушивания и перлюстрации писем и многого другого. Человеческое достоинство систематически и целенаправленно умаляется. Наше с вами достоинство.

И это что - свободное демократическое общество? Да ничего подобного. Это самое настоящее **полицейское государство**. Только мнящее себя эталоном. Образцом для подражания. Всегда и во всем правое. Не допускающее никакой критики. И инакомыслия. Для них в полицейском государстве просто нет места. Причем такое полицейское государство, которое, несмотря на все разоблачения, ни за что не желает меняться. В этом убеждают сообщения о том, что Президентская Администрация нашла юридические зацепки для того, чтобы ничто не мешало шпионскому сообществу и всем входящим в него в США государственным структурам и дальше накапливать и произвольно использовать собираемую ими информацию о неограниченном

круге лиц[52].

Еще недавно такое даже помыслить себе было невозможно – люди, живущие, как им раньше казалось, в открытом демократическом обществе, стали бояться публично говорить о своих воззрениях, убеждениях, предпочтениях. О том, что они думают по поводу современной семьи и однополых браков. По поводу тех или иных религиозных обрядов и нетрадиционного поведения. Самых различных аспектов политики, подвергать сомнению которые фактически запрещается. На критику которых установлены самые настоящие табу. Потому что они боятся. Потому что они уверены: социум, в который они встроены, живет по принципу: «шаг в сторону, шаг вправо или влево – расстрел». От них отвернутся. Они будут подвергнуты презрению. Или гонениям. Или остракизму. Гораздо спокойнее и комфортнее следовать общему тренду. Думать как все. Голосовать как все. Поддерживать то, что поддерживают все. Причем, желательно, с энтузиазмом. Искренне. Без тени сомнений. Чтобы никто ничего не заподозрил.

В век Интернета, глобализации, доступности информации, свободы знакомиться с любыми и самыми разными точками зрения было бы логично предположить, что господствовать будут плюрализм и разнообразие, свобода и раскрепощенность. Ничего подобного. Тотальная слежка и столь же тотальное манипулирование сознанием, выращивание индивидов, с младенческих ногтей привыкших мыслить в соответствии с полученными установками, дают прямо противоположный эффект. Все информационное пространство, уклад жизни построены таким образом, чтобы обыватель, а в обывателя превращены чуть ли не все, не задумывался о том, о чем не надо. Не ставил под сомнение то, что ему предписано считать незыблемым. Не позволял себе отказываться от мейнстрима. Причем по всем базовым вопросам устройства общества и проводимой политики. Мейнстрим же определяют те, кто господствуют в информационной среде, в информационном пространстве. Кто его контролируют.

Это когда-то в «золотой» век идеалистического восприятия постмодернистского общества в качестве демократического СМИ были или слыли четвертой ветвью власти. Они противостояли коррупции и злоупотреблениям. Заставляли судебные и исполнительные органы и другие структуры действовать с оглядкой. Принуждали их быть ответственными перед обществом. Корректировали своеволие законодателей. Влияли на повестку дня. Очередность принимаемых законов. Их содержание. Были встроены в общую систему сдержек и противовесов. Те добрые времена канули в лету. **СМИ превращены** или превратились **в службу**. В служанку власти. В падчерицу. Они делают то, что им предписывают. То, что от них ждут.

Формально никакой цензуры нет. На деле созданы и безупречно работают гораздо более страшные механизмы самоцензуры. Когда большинство политиков, якобы независимых экспертов, журналистов и всех тех, кто работают в информационном бизнесе, сами улавливают, что от них ждут, что от них требуется, и действуют соответственно, подтверждая, подпитывая и поддерживая мейнстрим. Когда в мозги заранее встроено, на подкорку изначально записано, что можно, а что нельзя. Что хорошо и что плохо. Когда в голову больше даже не приходит мысль о том, что есть возможность писать и говорить как-то иначе. Не по заданному графарету, а объективно. Как в действительности. Что есть другие точки зрения. Другая правда. И она тоже имеет право на существование. То есть думающие люди подозревают, что все не так. СМИ верить никак нельзя. И многим другим тоже. Что их заставляют впитывать как губку недостоверную и тенденциозную информацию, подогнанную

под мейнстрим. Что в реальном мире все как-то иначе. Но они все равно в него встроены. Им живут. И за него не выходят.

В связи с падением Берлинской стены, развалом Советского Союза, всеобщим отказом от ортодоксальной коммунистической идеологии и концентрацией власти и влияния в мире в руках одной оставшейся сверхдержавы, вызвавшими совершенно сказочную эйфорию, нам поспешили проанонсировать «конец истории». В том числе, что произойдет единение всех стран и народов вокруг этой супердержавы, продвигаемых ею ценностей и предложенного ею миропорядка. Но однополярного мира не получилось – попытка установить его оказалась несостоятельной. И до отказа народов от своей самобытности, традиций и интересов дело «почему-то» тоже не дошло. Ожидания, что они пойдут на него, стали ассоциироваться у политических элит, скорее, с навязыванием им новой формы диктата, гегемонией, принуждением и неокOLONIALИЗМОМ.

Однако в одном отношении «конец истории» все же наступил. Пользуясь своим почти ничем не ограниченным господством в информационной сфере, группа государств установила **МОНОПОЛИЮ НА ИСТИНУ**. Ничего похожего история не знала. Ничего подобного никогда не было. Антиутопии прошлого предсказывали появление «Министерства правды». Оно и появилось. Только не материализованное в каком-то органе, не институализированное, а сетевое. Не навязываемое кем-то сверху, вопреки фронде и бешеному сопротивлению жаждущих интеллектуальной свободы, а добровольно и с энтузиазмом принятое ими же.

«Конец истории» в этом смысле означает смерть многообразия точек зрения, суждений и приоритизации значения событий, исключение из информационной среды неудобных фактов и мнений, наступление эры единомыслия. Тоталитарным режимам, коммунистической идеологии этого никогда не удавалось. Им неизменно противостояла свободная пресса. Она давала альтернативу. У нынешних монополистов на истину получилось. Альтернатива задушена. Вытравлена. Разгромлена. Как социальное явление. Хотя как-то она все равно существует. Не может не существовать. Но только для очень узкого круга профессионалов или единомышленников, или обособленных культурных ареалов. Для всего остального мира она заранее и заведомо дискредитирована. Ей никуда не пробиться. Ее никуда не пускают. Однако самое страшное даже не в этом. В другом – на нее нет спроса. По нему был нанесен точный, прицельный, выверенный удар. И продолжает наноситься постоянно и методично изо дня в день.

Это теперь та главная ролевая нагрузка, которая возложена на мировые СМИ. Из орудия объективного непредвзятого информирования общества они превратились в инструмент его психологической, эмоциональной и интеллектуальной обработки. **СМИ** переродились точно так же, как и само общество. Даже еще в большей степени. Они **стали оружием**. Причем не каким-то там рядовым. А самым эффективным оружием в конкурентной борьбе. За умы. Формирование мейнстрима. Всех и всевозможных стереотипов общественного сознания и поведения. В целом всей нормативной ноосферы. За финансовые потоки. Доступ к рынкам сбыта. Кредитования. Технологий. Сырья. Транспортным и всем иным коммуникациям. За то, как воспринимаются отдельные государства и группы государств. То, что в них происходит. Государственные деятели. Политики. Политические движения.

Оружием не менее разрушительным, чем применение вооруженной силы, экономическая

блокада или разжигание гражданской войны с целью подчинить или уничтожить. Ведь с его помощью оправдываются и обосновываются любые действия. События, реальные или мнимые, вытаскиваются под юпитеры или обрекаются на небытие. Будь то вполне репрезентативные выборы, смешиваемые с грязью как подтасованные и недемократичные. Народное волеизъявление, объявляемое незаконным и предосудительным. Государственные перевороты, подаваемые как победа демократии. Освободительные движения, квалифицируемые в качестве международного терроризма, и террористические организации, напротив, расхваливаемые, поддерживаемые, вооружаемые и одеваемые в тогу борцов за либеральные и демократические ценности и идеалы. Агрессивные войны за ресурсы, рынки или захват геополитических высот, провозглашаемые войнами за свержение тиранов и тиранических режимов. Несущими надежду и спасение. То есть праведными и справедливыми. Или внутригосударственные и международные конфликты, про которые то вспоминают, то забывают по конъюнктурным соображениям. Пренебрегая тем, являются ли они замороженными или находящимися в горячей фазе. Сотни тысяч замученных, убитых или обреченных на смерть. Миллионы беженцев и перемещенных лиц. Десятки и сотни миллионов, лишенные крова, чистой питьевой воды, недоедающих, оставленных без должного медицинского обслуживания. Военные преступления и преступления геноцида. Всем этим играют как краплеными картами, то пряча их в рукаве, то из него доставая, в зависимости от того, выгодно это в настоящий момент или не выгодно.

Оружием тотальной войны, которая ведется постоянно. Совокупностью западных СМИ и телеграфных агентств, а не против них, как они же сами пытаются представить дело [53]. Без перерыва на то, чтобы осознать и одуматься. Даже минутной или секундной паузы. Без зазрения совести. Без сочувствия и снисхождения. Грубо. Топорно. Не выборочно. Против всех и любого, кто на этот раз оказался мишенью. От председателя МВФ и любого правителя до проштрафившейся кинозвезды, всемирно известного актера или дирижера или случайного мотылька шоу-бизнеса, блеснувшего на миг и сразу погасшего.

Войны беспощадной. В которой все методы хороши. Оставляющей после себя выжженную пустыню. Исковерканные жизни и души. Такие разрушения, масштабы и глубина которых ни с чем не сопоставимы. В чем-то очень похожей на войну дронов – бесчеловечную. Никем не объявленную. Ведущуюся без правил. В тайне от общества. По никому не известному сценарию. С неизвестным количеством пострадавших и безвинно погибших. С неограниченным количеством противников. Войну нового поколения. Ни на что не похожую. Беспрецедентную. Только в случае с информационной войной – еще более дикую и беспощадную и гораздо более масштабную и разрушительную.

В результате весь мир оказался в «**королевстве кривых зеркал**». Не слегка искривленных, как об этом привыкли рассуждать социологи [54], а действительно кривых. Реальный мир со своими законами, правдой, совестью, истинными добром и злом есть. Он существует. Но все мы выкинуты из него и вынуждены жить в ином, виртуальном, создаваемом мировыми СМИ и Интернетом. Которые выстраивают иной событийный ряд. Искажают реальные факты или подменяют их несколько другими, чуть-чуть другими или совсем другими. Подгоняя все под мейнстрим. Растолковывая все только и исключительно в рамках мейнстрима. Заставляя инстинктивно придерживаться единомыслия. Конечно, не в деталях, частностях, второстепенном. А главных экзистенциалистских вещах. Судьбоносных. Связанных с базовыми

ценностями. Устойчивостью общества. Политическими, социальными и культурологическими ориентирами.

На заре «конца истории» ненадолго показалось, что виртуальный мир и реальный – одно и то же. В него дружно устремились чуть ли не все – люди, страны, народы. Нескончаемая вереница кровавых войн, неспровоцированные вторжения, под надуманными предлогами, вся абсурдность которых становилась очевидной лишь тогда, когда ничего уже нельзя было подправить и изменить, превращение отдельных стран и целых субрегионов в полностью зависимых, бессловесных, безропотных вассалов, злоупотребление всем, чем можно, и даже тем, чем нельзя, пренебрежительный отказ рассматривать остальных в качестве независимых равноправных участников международного общения, стремление все решать за других, пренебрегая их интересами и мнением, – все это поубавило иллюзий. Первый глобальный экономический кризис, то, как и каким образом он был спровоцирован, ответ на него, который по сути свелся к перекладыванию всех тягот и бремени на плечи наиболее слабых, незащищенных, обездоленных, их окончательно развеял.

Несмотря на всё его богатство и обустроенность и естественное желание каждого нормального человека поступаться очень многим, лишь бы жить в достатке и подальше от экономических бедствий, насилия и притеснений, мир, насквозь проникнутый ложью и обманом, несостоятелен. Он покоится на песке. Содержит в себе самую программу саморазрушения. Порождает у очень многих стремление дистанцироваться от него. Противостоять ему. Бороться с ним, в том числе ценой своей собственной жизни. По крайней мере, искать. Протестовать. Докапываться до истины. Пусть и противопоставить миру, построенному таким образом, пока особенно нечего. Что мы и наблюдаем сейчас повсюду на планете. Прежде всего, в форме все более жесткого межгосударственного противостояния. Гражданских и религиозных войн. Возрождения национал-радикалистской идеологии. Усиливающегося протестного движения. Растущей популярности популистских, крайне правых и внесистемных партийных образований. Помните образ «Призрака» из Манифеста, написанного духовным отцом коммунистического движения Карлом Марксом? Современные авторы его слова творчески переиначили. «Призрак бродит по Европе, – утверждают они, – призрак популизма»[\[55\]](#).

Мир «кривых зеркал» по определению неустойчив. Он вдвойне неустойчив, поскольку глобальный экономический кризис, его тяжелейшие последствия и угроза его скорого повторения сорвали с него «фиговый листок». Втройне неустойчив, поскольку вызывает протест и сопротивление, с одной стороны, стремление задушить или хотя бы нейтрализовать их – с другой. Чтобы избежать худшего, чтобы избежать крайностей, в отношении информационного оружия и информационных войн надо, видимо, пройти тот же путь, только как можно быстрее, который человечество прошло в отношении всех других случаев применения вооруженной силы. Определенные методы ведения информационных войн следует запретить. Остальные строго регламентировать, предусмотрев все необходимые виды ответственности, в первую очередь материальную. Параллельно памятуя о том, что СМИ, Интернет, информация являются оружием, заняться выработкой договоренностей о кодексе поведения в информационной сфере, идущего гораздо дальше чисто информационной безопасности, и запустить процесс сдерживания гонки вооружений и их сокращения в информационной области, учитывая, естественно, ее специфику и отличия.

Неустойчивости дихотомии реального и виртуального мира, в который мы все погружены – добровольно, принудительно или добровольно-принудительно – добавляет еще целый ряд факторов. Остановимся только на самых главных. Несусветное разбухание финансового сектора, надувание гигантского кредитного пузыря, потребление ради потребления, жизнь займы, безудержный отрыв денежной массы от реального сектора производства и сферы услуг привели к **коренному перерождению мировой экономики**. В чем оно заключается, современная экономическая наука дать последовательно непротиворечивый ответ пока не в состоянии. Большинство экономистов, включая самых именитых, лишь констатируют, что оно произошло. Второй Карл Маркс, которому было бы по плечу объяснить изменения, видимо, еще протирает штанишки на студенческой скамье. Фундаментальный характер перемен проявляется в том, что, вроде бы, хорошо изученные наукой закономерности функционирования мировой экономики перестали действовать. Протекающие в ней процессы идут случайным и, соответственно, непредсказуемым образом. Базовые понятия не работают. основополагающие свойства таковыми уже не являются. Стратегии, построенные на представлениях из прошлого, в том числе связанных с решением проблем конкурентоспособности путем манипуляции валютными курсами, проваливаются[56].

Деньги – сердце и кровеносная система экономики – **не справляются с возложенной на них ролью**. Они больше не мерило всех вещей, поскольку на рынке все больше и больше товаров и услуг, стоимость которых не имеет ничего общего с потребительской стоимостью. Помимо спекулятивных, психологических факторов, связанных с запросными ожиданиями, и политизированных, усиливающих риски, она определяется такими, которых раньше в природе просто не было. В их числе – столь разные, как социальные сети, новейшие коммуникационные технологии, усовершенствование конечного виртуального продукта неограниченным кругом желающих, определение цены покупки самими покупателями, стремительное наращивание мощности при столь же стремительном ее обесценивании и т.д.

Деньги перестали быть средством накопления и сбережения. Ситуаций, при которых собственник все или почти все теряет, стало слишком много. Некогда чрезвычайные, а теперь типичные – исландский вариант разорения вкладчиков. Реструктуризация долгов, будь то по аргентинскому[57] или греческому сценарию. Налоги солидарности. Девальвация или ползучее обесценение национальной валюты. Кажущееся сохранение прежнего уровня покупательной способности только в отношении ширпотреба, товаров низшей ценовой гаммы и всего того, что не относится к роскоши и недвижимости. Кипрский стандарт экспроприации собственников, по образцу которого ЕС утвердил нормативы спасения и/или ликвидации проблемных банков и других финансовых учреждений.

Самое непонятное, однако, происходит с деньгами в качестве инструмента инвестиций. Для многих правительств и центральных банков это какая-то загадка. За последние годы развитые страны накачали мировую экономику триллионами долларов, евро и йен, а деньги в реальный сектор экономики все равно не идут. За редким исключением, темпы роста ВВП, особенно в еврозоне, очень низкие. Если он в принципе наблюдается. Япония, например, вообще временно провалилась в рецессию, несмотря на все использованные монетарные стимулы, чего никто не ожидал[58]. Потом вынырнула из нее столь же неожиданным образом. Безработица рассасывается крайне медленными темпами. Производительность труда падает. Оборачиваемость капитала тоже.

Основная проблема, над которой сейчас бьется ЕС, – **как превратить деньги в инвестиции**. Денег море. Они беспрецедентно дешевые. ЕЦБ ранее предоставил банкам региона займы на сотни миллиардов евро. Фактически под нулевой процент. По депозитам вообще ввел отрицательную учетную ставку. Недавно открыл новую кредитную линию на один трлн евро. А инвестиции все равно не идут. Хотя ты тресни, с издевкой пишут авторы «Файнэншл Таймс», наблюдая за конвульсиями континентальной экономики, что бы институты ЕС не предпринимали[59]. С одной стороны, на них нет спроса у тех, кому банки и их аналоги готовы были бы ссужать деньги[60], да и самим банкам не до кредитования[61]. С другой стороны, мелкие и средние предприятия периферии ЕС задыхаются из-за отсутствия оборотных средств и невозможности получать кредиты даже не столько на развитие, сколько на элементарное выживание.

Отсюда такой интерес к планам Жан-Клода Юнкера и возглавляемой им Европейской Комиссии направить в реальный сектор экономики и инфраструктурные проекты 315 млрд евро на протяжении ближайших трех лет. Если бы это случилось, европейская экономика смогла бы «получить тот самый глоток свежего воздуха», в котором она так нуждается. Особенно сейчас, когда из-за удорожания американского доллара, падения цен на сырье и хороших перспектив выхода на сбалансированные бюджеты, открывающие в дальнейшем перспективу крупных бюджетных инвестиций, как утверждает разрекламированная Брюсселем и нанятая им же франко-германская команда экспертов, у экономики ЕС появился шанс[62]. На него начинают полагаться в столицах «двадцати восьми»[63]. Тем более что Берлин и Париж, следуя рекомендациям назначенных ими мудрецов, проявляют растущую готовность им воспользоваться[64].

Конкретными планами на этот счет Жан-Клод Юнкер в конце ноября поделился с депутатами Европарламента[65]. Всех очень интересует, откуда он собирается получить инвестиции. Как и за счет чего их привлечь. Каким образом перебить негативный тренд. На настоящий момент переубедить скептиков, похоже, ему не удалось. Особенно тех, кто рассчитывал на свежие деньги, как, например, французы[66], вообще придерживаются кейнсианских и неоклассических рецептов лечения европейской экономики[67] или настаивают на том, что нужно гораздо больше[68]. Формулировка министра финансов Польши Матеуша Щурека: «Надо, чтобы речь шла о настоящих деньгах, а не о попытке выдать за них то, что уже есть и не работает»[69].

Они не видят, почему частные инвесторы, которые еще сегодня выжидали, завтра вдруг побегут вкладывать капиталы, зная, что потребление расти не будет. Не понимают, почему задумка Европейской Комиссии нового состава привлечь сотни миллиардов евро частных денег в инвестиционный фонд, создаваемый по ее указанию Европейским Инвестиционным Банком, под гарантии ЕС в 21 млрд евро – в этом суть инвестиционного пакета Жан-Клода Юнкера – вдруг сработает[70].

По их мнению, экономика ЕС тяжело больна. Прописанное ей лечение ее чуть было не уморило. Что сделать для того, чтобы она вновь встала на ноги, никто не знает. А ведь без работающей европейской экономики и у мировой экономики шансов не так много. Во многом из-за неблагоприятного положения в ЕС прогнозы ее роста раз за разом пересматривают в сторону понижения. О чем ОЭСР вновь напомнила при презентации 25 ноября своих

очередных «Перспектив мировой экономики»[\[71\]](#).

Другая, еще, может быть, более важная проблема – как снизить до разумного уровня всеобщую задолженность. Как провести приемлемым образом реструктуризацию долгов или, по крайней мере, сделать так, чтобы они не вдавливали в землю своей тяжестью ни частный бизнес, ни национальные и мировую экономики[\[72\]](#).

Но подлинное сражение в мире сейчас развернулось по поводу совсем другой темы. Той, которая, казалось бы, до сих пор особых разночтений не вызывала. Объектом полемики неожиданно стала **относительность достоинств и преимуществ свободы торговли**.

Вроде бы, оснований для этого нет. Лозунги свободы торговли победно шествуют по планете. Двусторонние договоры об обнулении таможенных пошлин, сборов и мер эквивалентного характера заключаются десятками, а то и сотнями. Соединенные Штаты, вслед за НАФТА, пытаются создать азиатско-тихоокеанскую зону свободной торговли. Прорыва ожидали на полях недавнего саммита G20 в Австралии, но он не произошел. Методично расширяет свою ЗСТ в этом же регионе Китай.

На другой стороне планеты напряженные переговоры о трансатлантическом экономическом сообществе, в котором ЗСТ сочеталась бы с гармонизацией и/или взаимным признанием технических стандартов, ведутся между теми же США и ЕС. Свою ЗСТ создали страны СНГ. В нее входят и Украина, и Сербия. О желании войти в нее официально объявили Вьетнам, Индия, некоторые другие страны. С 1 января 2015 года душой, сердцем и стеновым хребтом этой ЗСТ становится Евразийский Экономический Союз[\[73\]](#).

Главным призванием ВТО является постепенное поэтапное снижение таможенных пошлин, сборов и мер эквивалентного характера, вплоть до их окончательной отмены в масштабах всей планеты. На ее скрижалях начертано обеспечение тотальной, ничем не ограниченной свободы конкуренции.

И тем не менее, ценность и практическая целесообразность свободы торговли сейчас поставлена под сомнение. И не кем-нибудь, а ведущими экономистами и многочисленными НПО стран ЕС. Здесь все больше голосов раздаются против заключения соглашения с США. Резоны – экономическая выгода не такая уж большая, по-настоящему выиграют только наиболее сильные экспортоориентированные корпорации, а побочных негативных последствий будет очень много. В том числе разорение всех тех, кто не сможет конкурировать с американцами. Рост безработицы. Сокращение внутрирегиональной торговли. Непроизводительные затраты на подстраивание под американские технические стандарты и т.д.

На примере переговоров между ЕС и США и вскрывшихся острейших противоречий между ними вдруг выяснилось, что у свободы торговли есть столько же плюсов, сколько и минусов. Это только с одной стороны свободная торговля дает возможность беспрепятственной работы на более широком рынке, предоставляет доступ к более дешевым товарам и услугам, включая финансовые, снижает издержки и повышает производительность труда.

С другой стороны, она несет многочисленные беды. Делает слабые страны еще более слабыми и зависимыми. Уничтожает целые сектора национальной экономики. Порождает структурную

безработицу, удорожая бремя социальных выплат. В чем-то усиливает технологическое отставание, а не ослабляет его. Ведет к снижению жизненного уровня, а не к его повышению.

Это в целом, в своей совокупности те, кто объединяются в ЗСТ, получают массу дивидендов. Весомо выигрывают же только сильнейшие. Остальные могут и терять. Как элегантно формулирует автор нашумевшей книги «Семь плохих идей. Или о том, как мейнстримовские экономисты навредили Америке и всему миру» [74], появившейся на прилавках с 30 сентября 2014 года, **«свободная торговля порождает победивших и прогоревших»** [75]. В исторической ретроспективе менее конкурентоспособные страны очень часто оказывались у разбитого корыта.

Гораздо рациональнее, утверждают новоявленные «хулители» свободной торговли, сначала закрыть национальную экономику защитными заградительными пошлинами, провести реформы, перевооружить промышленность и сферу услуг с опорой на национальное государство, накачать мускулы национальной банковской и финансовой системы, добиться под защитой протекционистских мер необходимого уровня конкурентоспособности и только после этого пускаться в бурные воды свободной конкуренции. Иначе эффект можно получить прямо противоположный желаемому.

Вся практика МВФ и Всемирного банка свидетельствует именно об этом. Следуя указке развитых стран, они давали якобы спасительные займы развивающимся на протяжении всех последних десятилетий (с начала 1970-х годов по настоящее время) на таких условиях, на которые на самом деле ни за что нельзя было соглашаться. Они принуждали их снижать таможенные тарифы, проводить либерализацию рынка труда, снимать контроль за движением капиталов, жертвовать всем ради сбалансированного бюджета, добиваться снижения инфляции, отказываться от массированного субсидирования своей промышленности и сельского хозяйства. Но ведь развитые страны смогли рвануть вверх и построить у себя эффективные конкурентоспособные экономики только за счет того, что сами они в годы промышленной революции придерживались прямо противоположных рецептов. Они закрывали свои рынки высоченными тарифами, использовали всю мощь национального государства для создания базовых производств, самым жестким образом контролировали движение капиталов и обменные курсы.

Это в послевоенные годы было придумано (в какой-то степени под влиянием Фридмановских фанатов от науки), будто американское экономическое чудо и процветание базируются на свободной торговле (Вашингтонский консенсус), и она является единственной торной дорогой к построению эффективного мирового хозяйства и всеобщему процветанию. Факты, приводимые автором упомянутого экономического бестселлера Джеффом Мадриком, говорят о противоположном. В 1980-х страны Латинской Америки существенно снизили защитные таможенные барьеры, и вместо бурного роста заполучили многолетнюю стагнацию. Тогда же по примеру США и чуть позже ЕС все стали отказываться от контроля за движением капиталов. Результат не заставил себя ждать: бегство коротких денег очень поспособствовало системным финансовым кризисам второй половины 1990-х в Восточной Азии, России, Аргентине и Турции.

Но ВТО, придерживаясь преимущественно идеологизированных, а не прагматических подходов, продолжала настаивать на том, чтобы всех стригли под одну гребенку. Чтобы

утверждаемые правила вопреки глубочайшим различиям между ее членами одинаково применялись всеми. От этого развивающиеся страны просто не могли не пострадать. Они и пострадали.

В 1995 году ВТО добилась решения о существенном снижении экспортных субсидий. Случись подобное на поколение раньше, не получилось бы ни японского, ни южнокорейского, ни тайваньского экономического чуда. Китаю, вступившему в ВТО в 2001 году, оно не помешало только потому, что его руководство прямое субсидирование заменило валютным.

Еще один удар по экономике развивающихся стран ВТО нанесла, когда заставила их в том же году следовать канонам защиты интеллектуальной собственности, включая патентное право, установленным развитым миром. Лишь те страны, как, например, Китай, Индия и Бразилия, которые отвергли Вашингтонский консенсус, смогли стремительно подняться. Вышли на другой уровень развития. Смогли выбраться из нищеты. Но скольким странам среднего достатка он помешал обрести гораздо большую международную конкурентоспособность.

Только когда в 2000-х страны Латинской Америки избавились от опеки МВФ и Всемирного банка, они смогли выйти на траекторию устойчивого роста. Одержали весомые победы в борьбе с бедностью и неравенством. Если бы Россия осуществила плавный переход к открытой экономике вместо отчаянного броска вперед, а целая группа стран, от Аргентины до Таиланда, не спешили с либерализацией рынка капитала, им бы удалось избежать многих бед.

Даже странам Европейского Союза МВФ оказал «медвежью услугу». Не без его подсказки руководство ЕС и отдельных государств-членов предписало всем проводить фронтальную, однотипную, единовременную политику жесткой экономии. Когда все убедились в том, насколько непредвиденно тяжелые последствия она вызывает, вдруг выяснилось, что МВФ, давая свои рекомендации, положил в их основу, похоже, ложные теоретические построения[76].

Каждая страна должна искать свой путь, выгодную ей специализацию, экспериментировать. Уравниловка свободной торговли этому сильно мешает. К тому же она зачастую ослабляет социальную защищенность общества. Больно бьет по материальному положению самых разных групп населения. Девальвирует завоевания трудящихся. Поэтому, подчеркивает все более многочисленная группа противников заключения соглашения между ЕС и США, столь важно, чтобы движение к свободной торговле было тщательно продуманным и синхронизированным с системными мерами социальной адаптации, защиты трудящихся и переподготовки кадров. Как минимум.

Еще одна грань неустойчивости мира, который для нас с вами придумали мировые СМИ, Интернет, манипуляторы общественного сознания и хозяева жизни, однако грань, на это раз коррелирующая с реальностью, – постепенное, но очень быстрое **формирование нового хозяйственного, производственного, технологического уклада**[77]. **Принципиальное отличие новой технологической революции**[78] **от всех предшествующих заключается в том, что она непосредственно затрагивает человеческий фактор, место человека в процессе получения конечного продукта. Будь то товары, услуги или даже знания.**

В прошлом смена технологического уклада каждый раз прибавляла человеку способностей. Делала его сильнее. Мощнее. Точнее. Безошибочнее. Укрепляя его роль в качестве важнейшего, безусловно необходимого фактора производства. С переходом к будущему технологическому укладу все наоборот. Человек становится лишним на «празднике жизни». В таких количествах, как раньше, он больше не нужен[79].

Если под «устойчивым» развитием понимается экономический рост, сопровождающийся сокращением удельных затрат на энергию и сырье, необходимых для производства единицы продукции, и в целом разрывом связки между экономическим ростом и ростом потребления энергии и сырья, то теперь изменения затрагивают также и человека, как фактор производства. Устойчивое развитие на новой технологической основе будет означать экономический рост, сопровождающийся также снижением затрат на рабочую силу, нужную для производства единицы продукции, а равно общим снижением потребностей в рабочей силе.

Человек, при таком понимании развития, изгоняется отовсюду. На производстве его вытесняют роботы и автоматизированные технологические цепочки[80]. В сфере услуг – всевозможные гаджеты. Вспомним идею компании «Амазон» доставлять заказы покупателям с помощью дронов. В творческой сфере – информационно-коммуникационные технологии. Конечно же не полностью, но в весьма чувствительных пропорциях. Во всяком случае в том, что касается неквалифицированной рабочей силы и рабочей силы низшего и среднего делового сегмента, это безусловно так.

Нетрудно предположить, что подобный сдвиг в экономике будет иметь колоссальные социальные и геополитические последствия. Социальные последствия очевидны – **лишних людей будет становиться все больше и больше**. Что, правда, как утверждают оптимисты, не мешает им наслаждаться плодами нового технологического уклада в виде доступных и почти бесплатных развлечений, производить множество всего прямо на дому или в рамках небольших коммун и податься в такие сферы деятельности, как профессиональный спорт, культура, здравоохранение, помощь престарелым и т.д.[81]

Продолжит углубляться пропасть между богатыми и бедными. Только теперь к ней добавится пропасть между теми, кто востребован новой экономикой – их зарплаты будут стабильно расти, уровень жизни – повышаться, и теми, кому в ней места не найдется.

Усилится поляризация политической сферы. Все более широкую поддержку будут получать внесистемные группы и движения, предлагающие порвать с классическими политическими партиями и заняться гораздо более серьезной и глубокой перетряской общества, выступающие с популистских, крайне правых, радикалистских и националистических позиций. И даже крайне левых, которые, несмотря на груз прошлого, вновь обретают популярность[82] и опять начинают оцениваться экспертным сообществом как наиболее разумные[83]. Недовольство в обществе будет накапливаться. А ведь даже уже сейчас в отдельных развитых странах социальный мир под угрозой. Причем отнюдь не только в Италии[84] или Греции[85]. По мнению специалистов, даже скандинавская модель социально-экономического развития не выдерживает[86]. Протестное движение – усиливаться. Антиправительственные, антисистемные выступления – становиться все более частыми и ожесточенными.

С тем чтобы не оказаться на обочине политического процесса, классические политические партии сами начнут выступать со все более националистических и радикальных позиций, старательно перехватывая у своих противников и конкурентов политические лозунги. Если только не произойдет чудо, и правящие элиты не найдут, как решить проблему нынешней и будущей безработицы без ущерба конкурентоспособности, как восстановить демонтируемое общество всеобщего благоденствия, приобщить всех, включая «человеческий балласт», к плодам богатства и процветания, генерируемым новым технологическим укладом. Пока ничего похожего не просматривается.

Геополитические подвижки налицо уже сейчас. Последние 20 лет, утверждают западные авторы, были десятилетиями развивающегося мира. Развивающиеся страны сумели воспользоваться шансом, который дала им глобализация. Смогли превратить дешевизну и неограниченный рынок рабочей силы, потенциал догоняющего развития, колоссальную недооцененность своих активов в конкурентные преимущества. Все эти годы они развивались быстро. Порой даже стремительно. Частично потеснив развитый мир на экономическом Олимпе. Все это при его фактическом попустительстве.

Теперь под этим периодом подведена черта. Развитый мир осознал, что отступать дальше некуда, и перешел в историческое контрнаступление. Военные действия были развернуты им одновременно по ряду направлений. Прежде всего, обладая монополией на резервные валюты, США, Япония и ЕС принялись активно использовать свою исключительность для обслуживания и продвижения сугубо односторонних интересов. Под видом выкупа ценных бумаг и предоставления финансовым учреждениям неограниченной наличности для инвестиций и капитализации они осуществили стандартную операцию размывания основного капитала путем допэмиссии акций за счет всех остальных стран планеты.

Параллельно, пользуясь господством в информационной сфере, они запустили кампанию дискредитации быстро развивающихся рынков как находящихся на грани системного кризиса и возвеличивания надежности и перспективности своих собственных рынков с единственной целью - переориентировать финансовые потоки, замкнуть их на себя, осушить каналы финансовой подпитки конкурентов.

В области материального производства развитый мир приступил к осуществлению долгосрочной стратегии возвращения производственных мощностей на свою территорию.

В геополитическом плане провел серию военно-политических акций в самых разных регионах планеты, фактически по всей дуге нестабильности от западной оконечности Северной Африки через Ближний Восток и далее до бассейна Тихого океана, включив в нее на этот раз также и юго-восточное подбрюшье Европы, приведших к резкому росту международной напряженности и дальнейшей дестабилизации международной обстановки. Прделано это все было так, как если бы развитый мир умышленно сделал ставку на повсеместное приведение к власти лояльных ему правительств и политических образований, а если не получается, - на конфронтацию с остальными и селективное вскармливание потенциального противника для проецирования военной силы на ключевые регионы и военного присутствия в них. Что это в действительности так, трудно предположить. Тем не менее, прямым следствием проведенных операций и вмешательства во внутренние конфликты в пользу только одной из сторон стало именно такое развитие событий.

Вместе с тем, ни накачивание финансовых мускулов, ни переориентация финансовых потоков обратно к себе и нагнетание геополитических рисков сами по себе не в состоянии решить задачу возвращения развитому миру частично утраченных командных высот в мировой политике и экономике. В долгосрочной перспективе восстановление прежних позиций возможно только в случае, если все элементы или направления стратегии, преследующей данную цель, будут поставлены на прочный **цоколь возвращаемого лидерства в сфере материального производства**.

Глобальный финансово-экономический кризис убедил правящие элиты развитого мира в том, что ими была допущена большая, фактически судьбоносная ошибка. Они увлеклись механическим «уничтожением» в своих странах рабочего класса как потенциальной угрозы сложившемуся политическому устройству общества. Просчитались, полагая, что массовая делокализация трудоемкого и экологически грязного промышленного производства в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки не помешает им сохранять контроль над ними, а львиную долю прибыли оставлять у себя. Переоценили возможности маневра при построении у себя постиндустриального общества, посчитав, что сектор услуг способен в достаточной степени генерировать благосостояние, абсорбировать трудоспособное население и гарантировать лояльность низов.

Глобальный кризис убедительно продемонстрировал, что любое общество является устойчивым, достаточно резистентным к внешним шокам и конкурентоспособным, несмотря на все завихрения международной конъюнктуры, лишь если оно располагает мощным автономным индустриальным сектором, защищенным с точки зрения интеллектуальной собственности и дающим не менее 20% ВВП. Может быть, чуть больше, но в директивных документах ЕС обозначена именно такая цифра, как минимальный ориентир.

Однако легко сказать возвращение производств, да трудно сделать. Ведь одного желания мало. Против работает весь набор естественных преимуществ, которыми обладают развивающиеся страны. С дешевизной и огромным резервуаром рабочей силы. С близостью к сырью и разнообразным источникам энергии. С уже выстроенными и дающими большую маржу производственными цепочками. С колоссальным неудовлетворенным спросом и безбрежными возможностями экспансии. В развитом мире все наоборот – тотальная дороговизна, стареющее население, ориентация на работу в секторе услуг и т.д.

В этих условиях реиндустриализация и релокализация производства были бы обречены. «Бы» написано не случайно. Данная картина была верна еще несколько лет назад. Сейчас ситуация меняется. Причем коренным образом. И дело не только в частичной «китаезации» западной экономики в результате замораживания и условно добровольного снижения заработной платы широким слоям трудящихся.

Главное – в ход событий вмешался как раз тот фактор, о котором мы с вами говорили: начался переход к новому технологическому укладу. Он меняет все. Он дает теперь уже развитому миру шанс на исторический реванш. Ведь если вес новой экономики роботизации, знаний и информационно-коммуникационных технологий окажется достаточно значительным, такое макроэкономическое преимущество, как дешевизна и многочисленность рабочей силы, сойдет на нет.

Даже сейчас такие тенденции просматриваются. Продолжая быстро расти, Китай и США импортируют все меньше и меньше. Новый качественно иной технологический уклад, который будет строиться на других экономических законах и развиваться по только ему присущим закономерностям, изменит все на геополитической «шахматной доске».

В основном **в пользу Соединенных Штатов**, которые смогут воспользоваться двойным эффектом перемен. С одной стороны, новыми конкурентными преимуществами за счет снижения в структуре факторов производства удельного веса расходов на рабочую силу. С другой стороны, как образно пишет американский колумнист «Файнэншл Таймс» Джон Гэппер, - превращения «дешевой энергии в новую дешевую рабочую силу»[\[87\]](#). Если, правда, энергетическая революция состоялась, в чем многие эксперты, несмотря на резкое падение цен на углеводороды, по-прежнему сомневаются[\[88\]](#).

Как сейчас выглядит эта «доска», давайте прикинем в следующий раз.

© *Марк ЭНТИН, главный редактор,
профессор МГИМО (У) МИД России
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ*

[\[1\]](#) Martin Wolf. An unethical bet in the climate casino // Financial Times, November 2014. - P. 9.

[\[2\]](#) Powering down. Voters have chosen change, but America's political system makes that far too hard // The Economist, November 8-14, 2014. - P. 22-24.

[\[3\]](#) Alain Frachon. Pourquoi Obama a perdu // Le Monde, 14 novembre 2014. - P. 25.

[\[4\]](#) Marie Charrel. Le jour où la Fed a entamé le sevrage de la planète dollar // Le Monde, Eco&Entreprise, 29 octobre 2014. - P. 2.

[\[5\]](#) Congress and the president Face-off. Anyone hoping for an outbreak of good government is likely to be disappointed // The Economist, November 15-21, 2014. - P. 37-38.

[\[6\]](#) David Brooks. Obama in winter // International New York Times, November 19, 2014. — P. 7.

[\[7\]](#) Federiga Bindi. A lame duck President calling, will Europe pick up? // E'sharp, 2014, November. - esharp.eu

[\[8\]](#) Martin Wolf. An unethical bet in the climate casino // Financial Times, November 2014. - P. 9.

[\[9\]](#) Face-off. Anyone hoping for an outbreak of good government is likely to be disappointed // The Economist, November 15-21, 2014. - P. 37-38.

[\[10\]](#) From olive branch to big stick. Republicans want the president to get tougher abroad // The Economist, November 15-21, 2014. - P. 38-39.

[\[11\]](#) Jane Perlez. China's leader affirms strength of economy // International New York Times, November 10, 2014. - P. 14.

[\[12\]](#) Claire Guélaud. Commerce mondial: la fin de l'âge d'or. Le ralentissement des échanges mondiaux s'explique par des évolutions structurelles, notamment en Chine // Le Monde,

Eco&Entreprise, 21 novembre 2014. - P. 3.

[13] «Je n'ai pas à dire à la France ce qu'elle a à faire». Jean-Claude Juncker, président de la Commission, veut changer «la manière dont on parle de l'Europe» // Le Monde, Eco&Entreprise, 29 novembre 2014. - P. 4.

[14] Cécile Ducourtieux, Anne Michel. M. Juncker cherche à surmonter l'affaire LuxLeaks // Le Monde, 14 novembre 2014. - P. 3.

[15] «LuxLeaks»: les confessions de Juncker // Le Monde, 29 novembre 2014. - P. 1.

[16] Peter Spiegel. Juncker admits regrets over tax laws that led to under-fire corporate deals // Financial Times, November 28, 2014. - P. 1, 3.

[17] Le Luxembourg tente de sortir du piège des «LuxLeaks» // Le Monde, Eco&Entreprise, 19 novembre 2014. - P. 1.

[18] «Nous devons concourir à la transparence». Pierre Gramegna, ministre des finances du Luxembourg, défend les pratiques de son pays // Le Monde, Eco&Entreprise, 7 novembre 2014. - P. 5.

[19] Luxembourg: les secrets d'un paradis fiscal au coeur de l'Europe // Le Monde, Eco&Entreprise, 7 novembre 2014. - P. 1; Anne Michel. Le Luxembourg, plaque tournante de l'évasion fiscale // Le Monde, Eco&Entreprise, 7 novembre 2014. - P. 2; Serge Michel. 28000 pages de documents, 548 accords confidentiels // Le Monde, Eco&Entreprise, 7 novembre 2014. - P. 3.

[20] Madison Marriage, Chris Newlands. Unions condemn tax avoidance // Financial Times, FT fm, November 10, 2014. - P. 1.

[21] US to warn Europe on risk of «lost decade» // Financial Times, November 13, 2014. - P. 4; Liz Alderman. Eurozone's weak quarter triggers global alarms // International New York Times, November 15-16, 2014. - P. 11.

[22] Paul Taylor. E.U. summit is unlikely to do enough // International New York Times, November 25, 2014. - P. 19.

[23] Wolfgang Munchau. The euro is in greater peril today than at the height of the crisis // Financial Times, November 10, 2014. - P. 9.

[24] Cécile Chambraud, Soren Seelow. Les nouveaux visages du djihad français // Le Monde, 19 novembre 2014. - P. 8; Jean-Pierre Stroobants. 1700 Européens dans les combats. Un quart des engagés ont regagné le sol de l'UE, créant l'inquiétude // Le Monde, 19 novembre 2014. - P. 9; Editorial. La fascination morbide pour le djihad // Le Monde, 19 novembre 2014. - P. 24.

[25] Gilles Paris. Face à l'Etat islamique, les Etats-Unis donnent la priorité à l'Irak. L'envoi de 1 500 militaires américains supplémentaires vise avant tout à soutenir l'armée irakienne contre le groupe djihadiste // Le Monde, 12 novembre 2014. - P. 2.

[26] The Economist, November 15-21, 2014. - P.8.

- [27] «The Good War: Why We Couldn't Win the War or the Peace in Afghanistan». Basic, 2014. - 368 p. (Hardcover - 256 p.) Анонс книги см. <http://www.publishersweekly.com/978-0-465-04495-5>
- [28] Jack Fairweather. Give the Taliban a chance // International New York Times, November 12, 2014. - P. 8.
- [29] David D. Kirkpatrick. Militants in Egypt say they will ally with ISIS. Agreement has potential to knit together conflicts spanning Arab region // International New York Times, November 2014. - P. 1, 4.
- [30] Rémy Ourdan. Etat islamique/Al-Qaida: la nouvelle ère du djihad // Le Monde, 13 novembre 2014. - P. 2-3.
- [31] Borzou Daragahi, Erika Solomon. As the US deploys more soldiers to Iraq its original decision to hold off attacking Isis has drawn criticism and led to accusations that it opened the way for Iran to cement its position in the country // Financial Times, FT big read. Battle for Iraq, November 11, 2014. - P. 7.
- [32] The Economist, November 15-21, 2014. - P. 8; Russia and Ukraine. Military marches. A renewed Russian military build-up could be a prelude to more fighting // The Economist, November 15-21, 2014. - P. 26-27; Benoît Vitkine. Kiev craint une offensive des séparatistes dans l'Est // Le Monde, 13 novembre 2014. - P. 3; Brooks Tigner. NATO condemns Russian units entering Ukraine // IHS Jane's Defence Weekly, Vol. 51, Issue 47, November 19, 2014. - P. 5.
- [33] Sylvie Kauffmann. A l'Est, rien de nouveau. Un pan entier de l'Ukraine est ouvert à la Russie: la frontière n'existe plus // Le Monde, 16-17 novembre 2014. - P. 24; David M. Herszenhorn. NATO reports Russian troops in Ukraine // International New York Times, November 13, 2014. - P. 7.
- [34] Ukraine's election. Good voters, not such good guys // The Economist, November 1-7, 2014. - P. 23.
- [35] Let them vote. The Madrid government should let the Catalans have a vote - and then defeat the separatists at the polls // The Economist, November 15-21, 2014. - P. 15-16.
- [36] Isabelle Piquer. Victoire symbolique des indépendantistes catalans // Le Monde, 11 novembre 2014. - P. 5.
- [37] Hugo Dixon. Spain's politics stall economic overhaul // International New York Times, November 10, 2014. - P. 18.
- [38] Spanish politics. A three-cornered hat // The Economist, November 22-28, 2014. - P. 30.
- [39] Tobias Buck. Madrid denounces fresh independence push // Financial Times, November 27, 2014 - P. 2.
- [40] G20: pas d'optimisme béat sur le climat // Le Monde, 18 novembre 2014. - P. 24; Jamie Smyth, George Parker, Vanessa Houlder. Leaders agree crackdown on secretive shell companies // Financial Times, November 17, 2014. - P. 2.
- [41] Mark Landler, Jenny Anderson. Russia finds tough words from G-20 on Ukraine // International

New York Times, November 17, 2014. – P. 1, 5; Isabelle Mandraud. M. Poutine plus isolé que jamais au sein du G20 // Le Monde, 18 novembre 2014. – P. 4; George Parker, Jamie Smyth, Roman Olearchyk. Putin flies home early after taking flak // Financial Times, November 17, 2014. – P. 2.

[42] «Пропасть» между Россией и Западом, констатирует, в частности газета «Монд», «продолжает углубляться» – Isabelle Mandraud. Le fossé se creuse entre Moscou et Berlin // Le Monde, 20 novembre 2014. – P. 2; Frédéric Lemaître. Merkel exprime ouvertement son opposition aux visées russes // Le Monde, 20 novembre 2014. – P. 2.

[43] Editorial. La défense de l'Europe: combien de divisions? // Le Monde, 16-17 novembre 2014. – P. 24.

[44] Andrew E. Kramer. Gazprom agrees to build pipeline to China . As Kremlin shifts focus towards Asia, deal could give Russia more options // International New York Times, November 11, 2014. – P. 12; Lucy Horndy. Putin snubs Europe with Siberian gas deal that bolsters China links // Financial Times, November 11, 2014. – P. 1.

[45] Alexei Lossan. Deal to bring Russia and China closer. New agreement allowing trade in national currencies could pose a challenge to the current global financial system // International New York Times. Advertising supplement «Russia beyond the headlines», November 26, 2014. – P. S1; Leonid Khomeriki. Additional Russian gas to China via a western route. The new proposal is in addition to last summer's landmark deal between Moscow and Beijing // International New York Times. Advertising supplement «Russia beyond the headlines», November 26, 2014. – P. S2.

[46] Jon Grevatt. Russia and China's defence co-operation deepens // IHS Jane's Defence Weekly, Vol. 51, Issue 48, November 26, 2014. – P. 22.

[47] Kathrin Hille. Putin aims to cement China links as ties with west fray. Updated military doctrine looks set to openly identify US and Nato as threats // Financial Times, November 11, 2014. – P. 3.

[48] Jamil Anderlini. China foresees \$1.25 tn in outbound investment // Financial Times, November 10, 2014. – P. 4.

[49] Jamie Smyth. Australia unveils trade deal with China // Financial Times, November 2014. – P. 4.

[50] Любопытные цифры: по данным журнала «Экономист», объем двусторонней торговли между ними по итогам 2013 г. составил 228,9 млрд долл., а профицит Южной Кореи в торговле с Китаем подобрался к отметке в 62,8 млрд долл. – The Economist, November 15-21, 2014. – P. 9.

[51] Claire Gatinois. La rébellion à contretemps des «frondeurs» européens // Le Monde, 6 novembre 2014. – P. 15.

[52] Charlie Savage. Officials see tactic to let N.S.A keep seizing data // International New York Times, November 21, 2014. – P. 5.

[53] Isabelle Mandraud. Les médias, machine de guerre du Kremlin. Le service international d'information Spoutnik entend contrer la «propagande agressive» de l'Occident // Le Monde, 25 novembre 2014. – P. 2.

[54] Для СМИ вообще характерно «искривлять реальность», – указывает например профессор Университета Париж-1 Изабелла Соммье в интервью газете «Монд». – «La sortie de l'euro produirait une sidération». Pour la sociologue Isabelle Sommier, les crises ne favorisent pas toujours l'émergence de mouvements sociaux // Le Monde, Eco&Entreprise, 23-24 novembre 2014. – P. 8.

[55] Hugo Dixon. How to counter Europe's rising populism // International New York Times, November 24, 2014. – P. 22.

[56] Komal Sri Kumar. Structural reforms key to global growth where currency wars have failed // Financial Times, November 11, 2014. – P. 24.

[57] Floyd Norris. No one wins in ruling on Argentina // International New York Times, November 21, 2014. – P. 17.

[58] Martin Fackler. Abenomics in doubt as recession grips Japan // International New York Times, November 21, 2014. – P.1, 14.

[59] Peter Spiegel. Juncker aims to prod reluctant investors // Financial Times, November 26, 2014. – P. 3.

[60] Martin Wolf. The curse of weak global demand // Financial Times, November 19, 2014. – P. 9.

[61] Erik Nielson. Hopes for eurozone bank lending appear to be misguided // Financial Times, November 14, 2014. – p. 26.

[62] Et si l'Europe sortait de la crise? // Le Monde, Eco&Entreprise, 26 novembre 2014. – P. 1; Laurent Faibis, Olivier Passet. Zone euro: enfin la sortie de crise? // Le Monde, Eco&Entreprise, 26 novembre 2014. – P. 6.

[63] Sarah Gordon. Lower energy costs and a fall in the euro have given the region's chief executives a reason to be optimistic, and deal making is picking up. Can companies lead a return to growth? // Financial Times, FT big read. Europe Inc., November 28, 2014. – P. 7.

[64] Liz Alderman. Germany and France aim to avoid «lost decade» // International New York Times, November 28, 2014. – P. 16.

[65] European Commission — Press release. EU launches Investment Offensive to boost jobs and growth, Strasbourg, 26 November 2014. – http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-2128_en.htm

[66] Hugh Carnegie, Anne-Sylvaine Chassany. France demands «real money» boost for EU // Financial Times, November 19, 2014. – P. 3.

[67] Cécile Ducourtieux. Le pari de Jean-Claude Juncker pour relancer l'investissement // Le Monde, Eco&Entreprise, 27 novembre 2014. – P. 4.

[68] Editorial. Le plan Juncker, otage de la brouille franco-allemande // Le Monde, 28 novembre 2014. – P. 23.

[69] Цитируется по «Il faut stimuler la croissance en Europe». Le ministre des finances polonais, Mateusz Szczurek, plaide pour un plan Juncker à 700 milliards d'euros // Le Monde, Eco&Entreprise,

25 novembre 2014. – P. 4.

[70] Peter Spiegel. Juncker aims to prod reluctant investors // Financial Times, November 26, 2014. – P. 3.

[71] Une réaction plus énergique des pouvoirs publics s'impose pour neutraliser les risques qui pèsent sur la croissance, en particulier dans la zone euro, selon les dernières Perspectives économiques de l'OCDE –<http://www.oecd.org/fr/presse/une-reaction-plus-energique-des-pouvoirs-publics-s-impose-pour-neutraliser-les-risques-qui-pesent-sur-la-croissance.htm> Обзор основных положений доклада см. Claire Guélaud. L'OECD donne raison à la France sur l'austérité. L'organisation internationale plaide pour une politique monétaire de soutien à la croissance // Le Monde, Eco&Entreprise, 26 novembre 2014. – P. 4.

[72] Martin Wolf. Radical cures for unusual economic ills // Financial Times, November 26, 2014. – P. 9.

[73] Россия – спонсор Евразийского экономического союза // НГ дипкурьер, 13 октября 2014 г., с. 1.

[74] Jeff Madrick. Seven bad ideas: How mainstream economists have damaged America and the World. – Knopf, 2014, 272 p. (В России книга более известна под названием «Семь плохих идей, которые привели к мировому кризису».)

[75] Jeff Madrick. Our misplaced faith in free trade // International New York Times, October 4-5, 2014. – P. 6.

[76] Claire Guélaud. La gestion de la crise par le FMI critiquée. Un audit interne à l'institution de Washington juge sévèrement les appels à l'austérité du Fonds dès 2010 // Le Monde, 6 novembre 2014. – P. 6.

[77] Jeremy Rifkin. The Third Industrial Revolution; How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World. – Palgrave Macmillan Trade, paperback, January 8, 2013, 304 p.; Jeremy Rifkin. The Third Industrial Revolution: How the Internet, Green Electricity, and 3-D Printing are Ushering in a Sustainable Era of Distributed Capitalism – <http://www.wermutham.com/pdf/The%20Third%20Industrial%20Revolution.pdf>

[78] О ее основных слагаемых на ближайшие три года см. также PN. The Godzillas of technology: Three-D printing, Internet of things and Biotech healthcare // JFK Times, 39 (A limited print edition of blog.kpmg.lu), Luxembourg, November, 2014. – P. 3. В числе ИТК составляющих называются облачные технологии и технологии обработки больших массивов информации и ее системной децентрализации. – См. Philippe Escandre. L'Internet de tout // Le Monde, Eco&Entreprise, 25 novembre 2014. – P. 1.

[79] Wealth without workers, workers without wealth // The Economist, October 4-10, 2014. – P. 14.

[80] Vincent Giret. Le nouvel âge des machines // Le Monde, 21 novembre 2014. – P. 7.

[81] В их числе американский экономист Джереми Рифкин – Jeremy Rifkin: «La troisième révolution industrielle a commencée» // Le Monde, 25 septembre 2014. – P. 8.

[82] Stepan Wagstyl. Far-left party emerges from shadows of past // Financial Times, November 28, 2014. - P.6.

[83] Wolfgang Munchau. The radical left is right about Europe's debt // Financial Times, November 24, 2014. - P. 9.

[84] Elisabetta Povoledo. Hint of shift in labor laws leads Italians into streets // International New York Times, November 19, 2014. - P. 1.

[85] Niki Kitsantonis. Thousands of Greeks strike over austerity // International New York Times, November 28, 2014. - P. 4.

[86] Richard Milne. Nordic model starts to creak under pressure. Fears emerge over regions' ability to sustain welfare system and be competitive // Financial Times, November 21, 2014. - P. 4.

[87] John Gapper. Cheap energy is the new cheap labour // Financial Times, November 27, 2014. - P. 9.

[88] Ed Crooks. The «age of abundance» poses fresh dilemmas // Financial Times, FT special report «Energy», November 24, 2014 - P. 1; Ed Crooks. Shale jubilation fades as price falls undercut model // Financial Times, FT special report «Energy», November 24, 2014 - P. 2.